

Г. Л. Курбатов

ЛИБАНИЙ ОБ ИРАНЕ

Консолидация сасанидского Ирана в III в. на несколько столетий превратила его в наиболее могущественного и грозного противника Римской империи, а затем Византии. Ослабленная кризисом и внутренними смутами, империя уже не могла обеспечить незыблемость восточных границ. Иранские армии неоднократно вторгались в восточные провинции, нанося поражения Риму, за многие пограничные области и районы шла непрерывная скрытая и явная борьба¹.

В такой обстановке постоянной угрозы войны с Ираном, боязни непрекращающихся иранских вторжений Византия вступила в IV столетие. Естественно, что состояние, возможности и замыслы могущественного соседа волновали широкие круги населения. Отношения между империей и Ираном в IV в., особенно войны, достаточно изучены исследователями, и мы не намерены их касаться. Но вопрос о том, как воспринимали и представляли себе иранское государство жители восточных провинций того времени, как оценивали его и относились к нему, с нашей точки зрения, представляет немалый интерес и для изучения истории восточных провинций Византии и, возможно, самого Ирана, многие события внутренней жизни которого в первой половине IV в. далеко не ясны². Именно в этом аспекте заслуживают специального рассмотрения сведения об Иране антиохийского ратора Либания³, друга Аммиана Марцеллина.

Осведомленность этого ратора во внутренних и внешних проблемах государства не вызывает сомнений. Он оставил одно из ценнейших описаний Ирана IV в. и похода Юлиана. Мы не будем рассматривать общие литературно-риторические рассуждения Либания о «мидах» в духе классической литературной традиции. В его многочисленных речах есть и немало чисто «деловых» пассажей, в которых он анализирует состояние современного ему Ирана, слабые и сильные стороны, сравнивает его с Римом, наконец, высказывает свое отношение к Ирану, которое отражало взгляды близких ему куриальных кругов Востока, а в известной мере и более широких слоев населения восточных провинций.

Наблюдения Либания показывают, что иранские нашествия III в. не только нанесли большой ущерб экономике и населению восточных провинций, но и вселили в их жителей чувство постоянной неуверенности⁴. Как о явных результатах этих войн и вторжений Либаний говорит о сокращении сельского населения в пограничных римских областях, стремлении многих перебраться в города и крепости подальше от пограничных районов, ближе к побережью⁵.

Из высказываний Либания видно, как настороженно, внимательно в этих областях следили в IV в. за обстановкой у восточных границ, политикой правительства в отношении Ирана, за действиями и намерениями последнего.

Либаний постоянно отмечает заметное укрепление экономического положения Ирана к IV в.⁶; процветание его западных областей по сравнению с восточноримскими. Он неоднократно и с явной завистью говорит о многочисленности населения этих районов, прежде всего сельского⁷. Обращает на себя внимание его сообщение об увеличении числа больших богатых деревень, основанных и созданных, по его мнению, иранскими шахами. Эти деревни он сравнивает с восточными городами⁸.

Либаний очень высокого мнения об уровне развития сельского хозяйства и земледелия в Иране, с большой похвалой отзываясь, он не только об урожаях, но и о рациональном ведении хозяйства, густоте посевов, сочетании культур⁹. Интересуясь проблемами организации хозяйства более серьезно, чем Аммиан Марцеллин¹⁰, Либаний судит об Иране с военно-исторической точки зрения, он подробно описывает системы орошения, оросительные каналы Ирана, отмечая их большую глубину (*to bathos*) по сравнению с восточноримскими как достоинство¹¹. В росте населения и процветании сельского хозяйства он видит одну из главных причин быстрого подъема военного могущества Ирана. Из величайших варварских племен «иранское» особенно удручает его «своей численностью»¹².

В речах Либания отчетливо выступают не только экономическое значение, но и экономические цели и последствия иранских вторжений. Он подробно рассматривает, как происходило обогащение и укрепление экономического состояния Ирана¹³. Его материалы убедительно показывают, насколько продуманно вывозились из страны материальные ценности, уводились люди¹⁴. Особенно он обращает внимание на организованный захват и переселение ремесленного населения¹⁵. Он считает, что это в немалой мере способствовало подъему ремесленного производства, о котором он был явно не особенно высокого мнения, и укреплению могущества Ирана.

Осуществленная в IV в. в невиданных ранее масштабах «перекатка» материальных и людских ресурсов из восточных провинций империи в Иран явилась важным «ускорителем» роста могущества сасанидской державы в V—VI вв.

Либаний подходит к проблеме экономических отношений империи Ирана с точки зрения интересов населения восточных провинций. Он придает огромное значение для дальнейших судеб восточных провинций уступке Ирану римским правительством при Константинополе большого количества железа.

Среди материалов Либания об Иране особый интерес представляют его развернутые упоминания о нехватке железа в стране¹⁶. «Царь персов, — писал он, — за одно свою землю восхвалял, за другое — порицал. Он считал, что она не уступает никакой другой по приросту населения, но порицал ее за то, что не соответствуют доблести людей порождения железа в собственных недрах» (*hoti ten ton somaton areten ouch hoplisen oucothen siderou genesin, deixasa*)¹⁷. Это не значит, что железо в стране не добывалось¹⁸. Либаний пишет, что оно «имелось»¹⁹. Но, видимо, в конце III — начале IV в. его едва хватало на удовлетворение насущных хозяйственных потребностей и не хватало для вооружения и усиленного оснащения увеличивающейся армии. Может быть, поэтому Либаний говорит, что количество железа «не соответствовало» «доблести» людей²⁰. Во всяком случае, в недостатке железа для вооружения, по убеждению Либания, правитель Ирана видел главную причину, сдерживавшую нарастание мощи армии, и он «большую часть времени сидел, обдумывая это обстоятельство»²¹.

Готовясь к войне с Римом, Иран на протяжении длительного времени накапливал железо и вооружение, стремился приобрести все это у Рима. По словам Либания, именно с этой целью в империю было отправлено шахом посольство. «Льстя по своему обычаю и принося через послов привет, он просит большое количество железа» (*dia ton presbeon aitei siderou poly ti chrema*)²². Нам не известны подлинные причины уступки Ирану «большого количества железа»²³. Либаний, говоря о том, что император его «охотно дал»²⁴, объясняет это тем, что тот якобы прекрасно знал намерения Ирана, но, желая настоящей славы и будучи уверен в могуществе Рима, не хотел «оставлять» своим преемникам сомнительной славы победителя над безоружным. Это надуманное объяснение скрывает или невозможность отказать в просьбе, или какой-то политический расчет. Может быть, послам удалось убедить императора в том, что Иран собирается вести серьезную войну с другими соседями, что было выгодно империи. Во всяком случае, Либаний относится к этой сделке с плохо скрытым неодобрением и видит в ней одну из важнейших причин последующих неприятностей в жизни восточных провинций. Он считает, что именно это железо помогло быстро вооружить иранскую армию²⁵. «Острия копий, секиры, копья, мечи и всякое военное оружие, — писал он, — выковывалось при изобилии материала»²⁶. Благодаря всему этому Иран смог стать сильнее империи.

Особенно он сетует на то, что обилие железа усилило вооружение тяжелой иранской конницы²⁷, которая, по-видимому, оказалась защищенной лучше римской²⁸. Он подчеркивает то обстоя-

тельство, что теперь в иранской армии не только всадники, но и кони целиком закрыты железными доспехами²⁹. Аммиан Марцеллин также говорит об обнаружившемся во время войны изобилии использованного в военных целях железа в Иране, о том, что железные пластины были установлены даже на стенах крепостей и прикрывали от стрел их защитников³⁰.

В целом Либаний отмечает определенное изменение в соотношении военного потенциала обеих стран в течение первой половины IV в. «В прежнее время, — суммирует он, — персидское войско не было больше нашего численностью, не превосходило и силой, не было лучше ни по военным навыкам, ни более сильным по вооружению. Но все то, что это своим наличием или отсутствием поддерживает и разрушает, теперь перешло на ту сторону и с ними наступало (*ekeise metheistekei cai met'ekeinon epeei*)»³¹.

Либаний говорит не только о длительной внутренней подготовке Ирана к серьезной войне с империей, ее великолепном вооружении³². Он одновременно отмечает и качественную подготовку иранской армии, ее существенное отличие от той, какой она была в конце III столетия. Кроме вооружения, иранцы укрепили ее дисциплину, организацию, улучшили тактику, «развивая до совершенства и то, что было обычаем с самого начала, а знание того, что не знали, вводя от других»³³.

Господствующие круги восточных провинций с большой озабоченностью следили не только за укреплением военного могущества своего соседа. Их очень беспокоила, как показывают речи Либания, посвященные событиям первой половины — середины IV в., также растущая активизация деятельности Ирана среди пограничных, прежде всего арабских, племен³⁴. Либаний прямо говорит о том, что в результате пассивной политики Рима и активной деятельности Ирана большая часть племен к середине IV в. оказалась на стороне последнего, империя потеряла возможных союзников, а у Ирана с этого времени «впервые» (*tote de proton*) появились постоянные вспомогательные арабские отряды — задолго до того, когда их впервые упоминает Аммиан Марцеллин³⁵. Не удивительно, что пассивная политика римского правительства по отношению к пограничным буферным племенам в этой обстановке осуждалась господствующими кругами пограничных районов.

В целом можно сказать, что в попустительстве росту военного могущества Ирана, распространению его влияния среди пограничных племен Либаний видит основные ошибки римской политики, сделавшие невозможной эффективную оборону восточных границ империи и обрекшие их на постоянные бедствия от иранских вторжений в IV в. Это во многом, очевидно, обусловило нерешительность ведения войны Констанцием. Военные успехи Ирана, в результате которых «персы ежегодно присваивали что-нибудь новое и увеличивали свою территорию...»³⁶, как видно из речей Либания, вызывали растущее беспокойство и недовольство населения. Констанция обвиняли в развале и дезорганизации армии, в боязни

иранцев, в том, что он « всю свою жизнь прожил в трепете и страхе перед персами », не сумел защитить от них восточные провинции ³⁷. Иранцы « плясали на нашей земле », с возмущением говорит он ³⁸, а Константин « как будто клятвой обязался врагам быть их союзником в войне » ³⁹.

Видимо, все это сыграло немалую роль в укреплении симпатий к Юлиану в восточных областях страны, особенно в связи с его подготовкой к решительной борьбе с Ираном. Иранская кампания Юлиана была предметом тщательного изучения многих исследователей ⁴⁰. Либаний особенно обращает внимание не только на необходимость серьезного ослабления Ирана и закрепления устойчивого преобладания Римской империи ⁴¹. У него очень отчетливо выступают и экономические задачи. Первая — вернуть богатства, захваченные Ираном ^{42–43}.

Вторая — подорвать экономические основы могущества Ирана. Юлиан в иранском походе решительно уничтожал и разрушал все то, что не могло быть вывезено или использовано армией ⁴⁴. Либаний с удовлетворением пишет об опустошении иранских земель — уничтожении посевов, плодовых деревьев, разрушении селений и городов ⁴⁵.

Третья задача — укрепить мощь Римского государства и обеспечить восстановление « процветания » восточных провинций за счет ограбления Ирана. Из его речей можно понять, почему Юлиан делал ставку на молниеносную кампанию — средств на проведение длительной войны у империи не было. Быстрый вывод римских войск к богатейшим центрам Ирана помог бы расплатиться с армией, обеспечил бы ее дальнейшее содержание ⁴⁶. За счет захваченных богатств предполагалось упрочить положение империи. Весьма возможно, что именно с помощью захваченных богатств Юлиан рассчитывал осуществить свои внутренние реформы. Либаний говорит, что завоеванные богатства, в случае разгрома Ирана, должны были дать возможность Юлиану уменьшить налоговый гнет и тем самым укрепить хозяйство империи ⁴⁷. После смерти Юлиана и провала его « молниеносной » кампании Иовиан был вынужден пойти на прекращение борьбы, поспешное заключение мира и крупные территориальные уступки, вызвавшие сильное недовольство жителей восточных провинций.

Данные Либания показывают, что восточноримская верхушка со все большим беспокойством относилась к явному укреплению Ирана, постепенно утрачивала иллюзии о возможности быстрого сокрушения его могущества и восстановления прежнего устойчивого положения на границах, привыкала к тому, что длительные, изнурительные и малорезультативные войны с Ираном становились фактором повседневной жизни областей Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Н. В. Пигулевская, А. О. Якубовский, И. П. Петрушевский, А. В. Строева, Л. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до кон-

- ца XVIII в., 1958, стр. 38—39; *Н. В. Пигулевская*. Города Ирана в раннем средневековье. М. — Л., 1956, стр. 160 и сл.; *Н. В. Пигулевская*. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М. — Л., 1964, стр. 216 и сл., и другие.
- ² *A. Christensen*. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944, p. 234: «Nous ne savons rien de précis sur les événements des trente premières années du règne de Shahpuhr II».
- ³ *Libanii Opera*, rec. R. Foerster, v. I—II. Lipsiae, 1903—1922 (далее — *Liban.*).
- ⁴ *Liban.*, LIX, XXIV, 38; XII, 71—74.
- ⁵ *Liban.*, LIX, 79; XXIV, 38; XII, 71—74.
- ⁶ Еще В. В. Бартольд, опираясь на данные Нёльдеке, отмечал как известную особенность, что: «В истории сасанидов мы не видим... картины *постепенного* (подчеркнуто мной. — Г. К.) развития и упадка...» (Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926, стр. 22).
- ⁷ *Liban.*, XVII, 20; XVIII, 220; ср. IX, 66.
- ⁸ *Liban.*, XVIII, 220: «pollai de hai comai cai megalai cai polesin ou sphodra megalais hai pollai parisoumenai dia pases tes Asyrion ectismenai»; XVII, 20: «agron te parisoumenon astesi».
- ⁹ Так, например, в *Liban.*, XVIII, 219 он особо отмечает обильные урожаи при экономном использовании семян: «plethei cai callei carpon ar'oligou spermatos». Его особое восхищение культурой финиковой пальмы в Иране, ее распространенностью и плодovitостью (см., например, *Liban.*, XVIII, 219: «cai rhoini-con toso»; XVII, 20: «rhoinizi megalois dendron» и др.) в настоящее время становится более понятным в свете последнего исследования Д. Г. Редера (*Д. Г. Редер*. Культура финиковой пальмы в Египте и Палестине в греко-римский период. — Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. Сборник в честь 70-летия чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. М., 1967, стр. 52—55). Его автор убедительно показал, что в научной литературе сложилось преувеличенное представление о культуре финиковой пальмы в восточных провинциях. Ее хозяйственное использование в империи было территориально очень ограничено. В большинстве районов ее распространения она не давала доброкачественных плодов (стр. 55).
- ¹⁰ См., например: *L. Dillemann*. Ammien Marcellin et les Pays de l'Euphrate et du Tigre. Syria, XXXVIII. P., 1961, p. 38 etc.
- ¹¹ *Liban.*, XVIII, 219.
- ¹² *Liban.*, IX, 88: «person polyandropia diochlousa».
- ¹³ *Liban.*, XVII, 19.
- ¹⁴ *Liban.*, XVII, 19; XXXII, 24. Ср.: *Н. В. Пигулевская*. Города Ирана, стр. 165 и сл.
- ¹⁵ Примечательно, что захваченное римское городское население поселялось в Иране исключительно в городах, в то время как иранское городское, плененное римлянами, — в качестве земледельцев в сельских местностях империи. Так жители иранской Адиабены были поселены во Фракии как колонны (*Liban.*, LIX, 83; см. об этом: *Г. Л. Курбатов*. Либаний о Фракии. — Известия на Института за История на Българската Академия Науките, т. II, 1962, стр. 158).
- ¹⁶ *Liban.*, IX, 66.
- ¹⁷ *Ibidem*.
- ¹⁸ Тем не менее известные нам источники не отмечают значения его производства в стране. Так китайский путешественник начала VII в., говоря о многочисленных богатствах Ирана, упоминает золото, серебро, медь, но ничего не говорит о железе (*A. Christensen*. L'Iran..., p. 126).
- ¹⁹ *Liban.*, LIX, 66. Однако судя по данным о рудных богатствах Ирана, которые могли разрабатываться в то время, железа в стране, действительно, могло добываться немного. Хотя, может быть, в то время немаловажным препятствием, тормозившим развитие производства железа, была и нехватка специалистов, ремесленников.
- ²⁰ *Liban.*, LIX, 66: «ten ton somaton areten».
- ²¹ *Liban.*, IX, 67. При всех прочих причинах войн Ирана с Византией нельзя исключать, по-видимому, в качестве одной из них и стремления Ирана овладеть железорудными богатствами соседних византийских областей, известных своими

железными разработками, в том числе Армении (См.: *Sp. Vryonis. The Question of the Byzantine Mines.* — Sp., v. 37, 1962, No. 1, p. 4—10), захватить источники получения необходимого сырья.

²² *Liban.*, LIX, 67.

²³ *Liban.*, LIX, 67—68: «prophasin men hos eph'heteron ethnos prosoicon baron...», весьма возможно, что с хионитами. См.: Л. Н. Гумилев. Эфталиты — горцы или степняки? — ВДИ, 1967, № 3, стр. 93: «... Шапур II... был вынужден в первую половину своего царствования тратить средства и силы на отражение наступления хионитов».

²⁴ *Liban.*, LIX, 67—68: «... prothomos edoken».

²⁵ *Liban.*, LIX, 67—70.

²⁶ *Liban.*, LIX, 67—68.

²⁷ Об ее распространении см.: A. Christensen. L'Iran..., p. 207.

²⁸ Значение этого замечания Либания выступает особенно отчетливо в свете последних работ по истории римской и иранской армий. (*John W. Eadie. The development of Roman Mailed Cavalry.* — JRS, v. 57, 1967, P. 1—2, p. 161—173; А. М. Хазанов. Катафрактары и их роль в истории военного искусства. — ВДИ, 1968, № 1, стр. 180—191).

²⁹ *Liban.*, IX, 69—70.

³⁰ *Amm. Marc.*, XXIV, 3, 15.

³¹ *Liban.*, XII, 88.

³² *Liban.*, XI, 177.

³³ *Liban.*, LIX, 63.

³⁴ Г. Л. Курбатов. Arabia и arabioi в произведениях антиохийского ритора IV в. — Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. Сборник в честь семидесятилетия чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. М., 1967, стр. 71—73. В свое время еще Кристенсен отмечал, что Шапур II в первые годы своего правления решительно укреплял границу и подчинял арабов (A. Christensen, L'Iran ..., p. 235).

³⁵ *Liban.*, L. IX, 100; Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt XXIV, 2, 4, rec. Fr. Eyssenhardt. Berolini, 1971, p. 297.

³⁶ *Liban.*, XXX, 38; XIX, 49; ср. XVIII, 91.

³⁷ *Liban.*, XXX, 38, ср. XVIII, 91; XXXII, 24; XVIII, 206—207.

³⁸ *Liban.*, XVIII, 206.

³⁹ *Ibidem.*

⁴⁰ Из последних крупных работ см.: M. F. A. Brok. De perzische expedite var keizer Julian volgens Amm. Marc. Cromingen, 1959, 270 S.

⁴¹ *Liban.*, XXXII, 24.

⁴² *Liban.*, XXXII, 24; XLIX, 2; см. также XVII, 19: «Но твоё решение определялось страданиями области по Тигру, которая была опустошена, превращена в пустыню, вынесла множество вторжений, каждое из которых переносило туда здешнее богатство» («hon hecaste ton tede ploutou ekeise metenegken»).

⁴³ *Ibidem.*

⁴⁴ Можно было бы предполагать, что постановка подобной задачи в отношении Ирана могла быть выражением «местных» взглядов Либания и близких ему кругов. Однако высказывания Фемиствия (константинопольского сенатора и выразителя официальной точки зрения), относящиеся, правда, к несколько более позднему времени (Them. XI, 148d. Themistii orationes quae supersunt. Prec. H. Schenkel, v. I. Lipsiae, 1965, S. 224) показывает, что при всей опасности прочих варварских вторжений Иран рассматривался в принципе как наиболее опасный противник и только разрушение его могущества мыслилось как условие закрепления стабильного преобладания Рима.

⁴⁵ *Liban.*, I, 132; XVII, 21: «персам понадобилось бы направить в эти области целые колонии и даже одно людское поколение не могло бы восстановить разрушенное»; XVIII, 221—223.

⁴⁶ *Liban.*, XVIII, 212.

⁴⁷ *Liban.*, XVIII, 282: tous de idious hecaston oicous eis esporian epidosein allais te aphormais myriais cai smicroteti ton eishporon.